

И.И. Рудометов

Каргопольский край
Сборник этнографических очерков

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.И. Рудометов**
Каргопольский край: Сборник этнографических очерков / И.И. Рудометов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 60 с.

ISBN 978-5-458-41609-2

В книге показана жизнь глухого края накануне революции.

ISBN 978-5-458-41609-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Каргополь остался в стороне... Случай представлялся, но „Каргополь“ сами отказались от своего добра...

Разговаривая об этом с хозяином постоялого двора на окраине Каргополя, я спросил его: „Правда ли, говорят, что в Каргополе сами жители отказались от железной дороги?“. „Да, это правда.. На моей памяти дело было.. Право, смех как вспомнишь!“ Я попросил рассказать, в чем дело. — „Дело в том тут, ответил, что наш городской голова Петр Иванович, (царство небесное), все то время, пока решался вопрос о проведении железной дороги, промывался в бане“... — „Ну, что вы!“ не поверил я. „Да, так!“ ...Видите ли, из Петрограда присылают ему срочную телеграмму с просьбою сразу же дать ответ. Он был в бане. Работник не раз докладывал ему, но голова все медлил... Наконец, приносят второй раз телеграмму. Его все нет. Прошло времени так около часа. Выходит наш голова из бани, весь красный, потный и сразу же дает ответ, — мол, согласны.. Но ему отвечают, что уж поздно теперь, так как постановлено проводить дорогу восточнее Каргополя.

„Так мы и остались без железной дороги“.. заключил он, вздохнув.

Впрочем, как утверждают многие и как я сам не один раз слышал, (в уезде говорят), что на проведение через Каргополь железной дороги самым упорным образом не соглашались каргопольские купцы. Им, как утверждают, железная дорога была крайне не желательна,—в ее появлении их близорукий ум видел большой ущерб для торговли. Когда я думаю об этом, мне всегда становится непонятным, почему купцы сочли за вред то, что напротив, могло бы оживить их жизнь, открыть новые горизонты для их деятельности. Но мне приходит тогда на память тип русского купца допетровской Руси, тип так ярко очерченный нашими драматургами. Я представляю себе купца как хранителя старины, русского быта; он в большинстве случаев раскольник, благочестиво восстающий против табаку, консерватор по душе, ярый враг всяких новшеств... Тогда становится мне понятным отказ каргопольских купцов. Дух предков вдохновил каргопольское купечество XIX века. „Новое редко бывает хорошим, тогда как хорошее надолго остается новым“,*) вот то мудрое правило, которым они руководились. Но они забыли про то, что жизнь растет, движется вперед, совершенствуясь и обновляясь. Они заключили ее в тесные рамки своего мирозерцания, — и оказались отброшенными ею в сторону, так как человеческие усилия не в силах остановить вольное и плодотворное ее движение.

*) Слова А. Шопенгауэра.

Они остались позади этого движения...

II.

Прогуливаясь по уликам Каргополя, прежде всего можно заметить разницу между домами купцов и мещан. Мещане, в большинстве случаев, живут в низеньких старых домиках, тогда как у купцов почти всегда двухэтажные дома и каменные магазины. „Немчинов“, „Серков“, „Лехов“... читаешь на ходу вывески. В середине же города, за соборами, помещается гостинный двор, весь каменный...

На узких, грязных улицах встречаются группы местной интеллигенции, большей частью, молодежи, чинно разгуливающей по тротуарам. Хотя в Каргополе есть бульвар, построенный недавно, но на нем публика не собирается, предпочитая прогулки по улице, которую местные мещане прозвали „Невским“, — вероятно, за многолюдие и тротуары, которых на многих улицах в городе не имеется. Зато перед домами насажены ряды берез, что дает довольно приятный вид, особенно если смотреть издали, когда белая штукатурка церквей и краски домов рельефно выделяются на зеленом фоне.

Дойдя до берега Онеги, долго любовался я на эту широкую полосу воды, мощно стремящуюся на север. Тихо кругом. Ни судов, ни лодок у пристани... Лишь изредко раздается одиноко тонкий свисток парохода, на котором местные лесопромышленники перевозят лес.

Как еще мало использованы природные богатства этой судоходной реки *).

Из под поверхности воды виднеются столбы и сложенные остриями углами бревна (ледоколы) — следы бывшего через реку моста. Мост этот (системы Гау) был построен на земские средства и обошелся земству довольно дорого (около 34.000 руб.). Но когда в 1906 году закончили его постройку, то сразу же оказалось, что ездить по мосту невозможно. Новый мост украсился вывескою „езда воспрещается“. Постояв немного, он за негодностью, был сломан... Земство потерпело много убытков от недобросовестных подрядчиков. Теперь в Каргополе через Онегу всего один мост (против Спасского монастыря) и тот очень плохой и старый, так что при стечении на нем публики во время городских и монастырских храмовых праздников — в Троицын и Духов день, в Спасов день — 6 августа и

*) Впрочем, встречаются на Онеге, пороги.

пр., местной администрации приходится иногда удалять толпу, так как ветхий мост не выдерживает ее тяжести и погружается, покрываясь водою...

Лучший вид на Каргополь открывается с берега Онеги. Отсюда на юг виднеются уже упомянутая богатая Горская церковь и Успенский монастырь; с северной же стороны виднеется Спасский монастырь (с правого берега) и множество каргопольских храмов. Отсюда хорошо виден Христо-Рождественский собор, (каменный храм красивой древней архитектуры) современник Грозного, видевший в своих стенах патриарха Никона и мощи св. Филиппа, митрополита Московского. Недалеко от него возвышается похожая на древний обелиск соборная колокольня, построенная при Екатерине II, о чем свидетельствует надпись над одним из ее ярусов. Много повсюду и других храмов... Меня уже не один раз поражало множество церквей для такого маленького уездного городка, каков в настоящее время Каргополь.

Всех храмов в городе теперь насчитывается более 20. Многие из них каменные, старинной художественной архитектуры. Большинство храмов построены на средства местных купцов того времени, когда Каргополь имел большое торговое значение. Про этих купцов в Каргополе рассказывают, что они не желали ходить молиться в чужую церковь. И каждый из них для себя строил свою. Так, если купца звали Иваном и он бывал именинник на Иванов день (24 июня), то он и церковь строил в честь своего святого и т. п. или же, умирая, оставлял деньги на постройку церкви и на помин в ней души... Поэтому, неудивительно, что церквей в Каргополе более, чем в других городах губернии.

На городской площади (между церквями) в старину было кладбище. До сих пор здесь лежат каменные надгробные плиты с полустертою от времени надписью о именах погребенных под ними. Лет двадцать тому назад в Каргополе были еще люди, которые знали имена погребенных здесь и разбирали надписи на плитах. Теперь уже таких людей нет; по крайней мере, я их не встречал...

Теперь городское кладбище находится в северо-западной стороне от Каргополя среди елового леса (рядом с почтовым Вытегорским трактом) и называется „Стратилатом“.

III.

Вскоре погода изменилась. Сделалась оттепель. Заморосили день и ночь дожди, и городские улицы Каргополя превратились в сплош-

нья массы глубокой грязи. Путешествие по Каргополю стало затруднительным, особенно по улицам, не имеющим «панелей». Картина присущая многим русским городам, описание которой можно встретить во всяком рассказе из провинциальной русской жизни. Я остался в Каргополе, ближе присматриваясь к жизни местного населения. Оно делится главным образом на два сословия: мещан и купцов. Каргопольским мещанам живется невесело. Их всегда можно заметить по одежде и озабоченному выражению лиц. Живут они, как уже сказано, в маленьких бедных домиках... Такая бедственная жизнь мещан объясняется тем, что Каргополь не может дать им существенного заработка, могущего улучшить их материальное положение. Имеющиеся в Каргополе беличьи мастерские, две—три пекарни и пивоваренный завод (теперь не существующие) слишком недостаточны для этой цели, так как требуют весьма ограниченное количество рабочих рук. В борьбе за существование каргопольский мещанин пускается в различные предприятия. То он торгует мелочью на базаре, то печет «ситный» хлеб, то открывает чайные заведения и постоянные дворы. Тех и других в Каргополе достаточное количество. Сами ведя скитальческую, непрофессиональную жизнь, каргопольские мещане стараются избавить от нее своих детей. Почти все они обучают своих детей в высшем начальном училище, откуда те потом поступают писцами в земскую и городскую управу и в уездный съезд, а также — учениками в аптеку и приказчиками к купцам, в чем с ними соперничают дети крестьян из уезда. Других же учебных заведений для обучения мальчиков в Каргополе не имеется, за исключением духовного училища, существующего в Каргополе давно. Для обучения же девочек имеется Екатерининское женское училище, прогимназия и педагогические курсы для подготовки учительниц в начальные школы уезда. Девочки, дочери мещан, обучаются в настоящее время далеко не все. Получившие небольшое образование поступают кассиршами. Не имеющие же возможности получить его, обучаются кройке и шитью у местных портних. Каргопольские купцы, в противоположность мещанам, всегда веселы, способны вести весьма приятный разговор со своими покупателями, всегда улыбаются и крепко пожимают руки знакомым. Несмотря на свое недавнее происхождение (старинных родовых купцов сохранилось очень мало) в большинстве случаев—из приказчиков, из торговцев мелочью и „сермяжников“ из уезда, они сознают свое купеческое достоинство и всегда держатся особняком от пришибленного жизнью мещанства. Кроме торговых оборотов они получают еще большие доходы с полей, которых у них много в окрестностях города, где повсюду стоят гумна и летом колосится густая

рожь. Впрочем, некоторые мещане также засевают поля, но таких сравнительно очень мало.

Пошли холодные лунные ночи. Временами начал падать снег. Я уже прощался с Каргополом. У берега Онеги долго сидел я, думая о жизни в городе.

Жизнь здесь не имеет движения. Она гниет. И савозь ее прогнившие щели виднеется порою тусклое, пошлое прозябание „существователей“, ищущих развлечения в картах, сплетнях, пересудах. Тихо падал снег. По всему городу раздался в вечернем сумраке „малиновый“ перезвон древних колоколов, навевая мысли о седой его старине, той разделенной веками старине, когда здесь, по безлюдному, дикому берегу Онеги стеной стоит непроходимый дремучий бор, наполненный дикими зверями...

Представлялась мне фигура древнего князя, стоящего у пылающего костра с окровавленным мечом в руке, приказывающего дружинне строить город: издыхающий медведь лежит у ног князя, рядом Онега стальной полосой светится из-за темной чащи леса...

Вспоминалась мне вся долгая историческая жизнь города... И вот умер он, сошел со сцены истории. Лишь воспоминаниями прошлого живет он.. Вот Троицын день в Каргополе... Какое оживление повсюду! На улицах, на площадях, у храмов—везде парод, собравшийся сюда со всех концов уезда. Мужики в длиннополых кафтанам с красными кушаками, женщины в парчевых сарафанах, с кокошниками и перевязками на головах, украшенными жемчугами.

На торгу, у воза кож сошлись несколько человек и ведут жаркую беседу о „старой“ вере. Начетчик держа в руках открытую Иосифовскую „Книгу о вере“ трактует о том, что такое церковь... Его речь, пересыпанная текстами, дышит искренним энтузиазмом и вдохновляет слушателей... Вот те думы, что волновали его за сохой в поле, за уборкой сена на пожне... Там, у соборов, два—три силача поднимают с земли на плечи тяжелую чугунную пушку, и толпа жадно следит за их движениями...

От берега Онеги отчаливает судно. Это богомольцы отправляются по завету в Соловецкий монастырь и прощаются с родными...

С улицы вдруг слышится пронзительный крик и толпа народа бежит сзади за быстро уезжающим тарантасом, в котором плачет и рвется молодая девушка...

Это жених увозит себе невесту. Бог знает какой стариной веет от этого обычая!

Всюду на улицах движение...

Но вот проходит дня два, три. Публика раз'езжается. Жизнь мало-по-малу входит вновь в свою обычную колею, и Каргополь пре-
вращается вновь в мертвый городок, с сонною жизнью населения...

Каргополь живет своим прошлым. Лишь в воспоминаниях об этом прошлом он как бы вновь оживает.

'Тихо падал снег, покрывая застывшую землю... *).

У Ж а Ж д у щ и х.

(Из путешествия по Суши).

I.

Кому случалось проезжать от города Пудожского до Каргополя, тот конечно замечал, что лесистая и сырая местность Пудожского уезда, обильная „горами“, озерами и болотами, переходит перед городом Каргополем (от села „Лядины“) в местность очень ровную, но безлесную и сухую. Местность эта тянется широкой лентой с северозападной стороны Каргополя, имея в поперечнике верст 30 и более.

Во многих деревнях здесь на расстоянии 8—12 верст в окружности не только нет реки, но даже нет и маленького ручейка. Жители этих деревень воду достают из вырытых в земле колодцев, глубиною доходящих до 18 и более сажен. Господствующее здесь ежегодное вырубание „под пахоту“ лесов, (что непременно нужно бы остановить!) делает почву окончательно затвердевшею. Полевые посевы (наприм. в Панфиловской, Павловской и др. волостях) в жаркие лета осуждены страдать от засух, чему содействуют и их пахарь, так как, вырубая леса, они все более и более сушат землю. В болотистой местности (напр. в Лекшмозерской волости) всегда называют эту местность Сушью. И это название вполне справедливо. Действительно, среди полей и лесов в Суши нигде не встретишь воды. Жители Суши, хотя они очень привыкли к своей родине, все же, часто сожалеют о том, что дорогая им природа нигде не украшается голубою змейкой журчащей воды.

*) Очерк написан в 1915 году.

По поводу этого недостатка существуют здесь даже легенды. Такова, напр., легенда о преподобном Макарии Желтоводском, который, проходя по северу Руси (в конце XIV или начале XV столетия) будто бы, по словам этой легенды, присел отдохнуть на камне среди деревни „Софоново“ (ныне Панфил. вол.). Дело, вероятно, было в жаркую пору, так как преподобный попросил попить воды у крестьянина „Черныша“, изба которого находилась против камня на котором сидел преподобный Макарий. Черныш же, вместо того, чтобы принять гостя, начал всячески ругать его, принимая старца монаха за подозрительного человека. Наконец, с некоторыми из своих соседей, решил выгнать его за деревню. Святой, сопровождаемый братьями, вздохнувши пошел, но на прощаньи, сказал мужикам: „видя нужду вашу, хотел попросить я Господа, чтобы Он повелел быть в деревне вашей источнику водному, но вы оказались недостойными милости Божией. Жаль мне вас, бедные люди, но будете жить ни серо, ни бело“. Хотя здесь, среди Суши, ходит много подобных легенд и про других святых (напр. про св. Александра Ошевенского), но описанная здесь показалась мне типичнее других, так как в ней ясно слышится нужда жителей Суши в воде.

Несомненно, что многие из этих легенд созданы фантазией религиозного народа, но несомненно и то, что многие из них основаны на истинном происшествии, которое встает перед нами, разделенное V—VI веками жизни народной, рисуя нравы народные в седом прошлом. По крайней мере в деревне „Софоново“ до сих пор есть крестьянин с древним прозвищем „Чернышев“ и среди этой деревни есть часовня во имя св. Макария Желтоводского, под которой будто бы находится и тот камень, на котором сидел преподобный. Впрочем, часовни в честь различных святых имеются почти в каждой деревне Суши. Есть даже раскольничьи часовни и кладбища (секты беспоповцев), что свидетельствует о любви здешнего народа к „древнему“ православию и указывает на его религиозные сомнения и искания, всегда присущие людям глубоко религиозным и на его консервативный дух с дозой фанатизма.

II.

Проезжая по Суши, невольно поражаешься однообразием местности. Всюду большие поля, обгороженные полуразвалившимися изгородями, с „перелогам“ (т. е. с заброшенными полосами), множеством камней и суглинистою, не очень плодородною почвою; вырубленные леса, распаханые „новинки“ и „чисти“, (т. е. новины, брошенные через 2—3 года после разработки) с гниющими пнями,

кой-где скудной, низенькой травкой и изредка маленькими сосенками... Смотря на эти грустные картины, невольно поражаешься тем обстоятельством, как это жители Суши совершенно не дорожат своим лесом, когда он является единственным украшением их природы и их хозяйства! Имея в полях много заброшенной земли, они аккуратно, каждую весну из года в год ходят делить лес для „новина“ па прибавок к полевой земле. Почти за окном лежит заброшенная, незасеянная полоса мужика, а он идет за 2, 4 и 6 верст рубить лес на прибавок к этой земле!

Какое то противоречащее недоразумение. Вместо того, чтобы убирать с полей камни, лишний раз перепаживать землю, обносить поля к лету крепкими изгородями, заботиться об орошении посевов, привозить из сырых „подкрайков“ чернозем и торф в поля на прибавок к удобрению, он идет рубить лес и, обливаясь потом, уничтожает свое лесное хозяйство. Вместо создания и улучшения жизни производит разрушение ее.

Всюду здесь застой жизни... Старая, вложенная в освященные временем рамки жизни, в тех местах, где из веков она боролась с природой посредством истребления лесов, хотя и прошло то время, когда нужна была такая борьба, господствует как и встарь и нигде не хочет считаться с требованиями новой жизни, идущими в разрез с ее отжившими традициями. Она не может сознать того вреда, который делает общественному хозяйству, инстинктивно выполняя дедовские заветы о полезности „подсек“.

Таким образом между „старой“ и „новой“ народной жизнью возникает много противоречий. Противоречий странных, но очень грустных.

В число грустных картин Суши невольно приходится включить и чудные сосновые леса, остатки тех, которые были здесь повсюду. Леса эти стоят сиротливо небольшими островками среди „чистей“ и в шуме каждого из них слышится как бы печальное ожидание очереди умирать. Пройдя по всему такому лесу, нигде почти не встретишь ни ели, ни березы. Всюду сосны и сосны.. В их „вечно-зеленых“ вершинах приютились и чирикают птички. Всюду здоровый и чистый воздух. В лесу тихо, как в храме. Лишь белка перепрыгнет иногда с одной сосны на другую. Водятся в лесу (хотя редко) тетерева и куропатки. В конце же лета, множество красных рыжиков и обабков привлекают в эти леса многочисленных рыжечников. И тогда всюду по ним раздуются песни, свист, ауканья, с раннего утра и до позднего вечера..

Далее, ни за полем, ни за другим лесом,—нигде не увидишь зеленого мягкого луга, вестника воды. Серьезная, замкнутая в себя

природа Суши, нигде не отдохнет взором на травке, или на бережку реки...

Так как лугов здесь нет, а травосеяние, за исключением 2—3 единичных случаев, не развито, то сенокосов в Суши очень мало. Есть в Суши деревня „Березник“, где крестьяне продержав лошадей лето, к зиме всегда продают их, так как у них нет покосов и им негде запастись лошадям на зиму корма. Коровы же и овцы всю зиму питаются соломой ржи, овса и жита, как и везде в Суши. Уже упомянутая деревня „Софоново“ имела когда то своей собственностью часть берегов реки „Сиянга“, (за 7—8 верст) впадающей в озеро Лаче. Тут был сенокос этой деревни из веков. На заливных лугах или „мысах“ (как их здесь называют), по берегам этой реки росла и всегда растет хорошая трава.

Но каким то образом, вековые Софоновские „мысы“ попали во владение к причту Горской церкви (в г. Каргополе). Почему это так случилось,—здесь никто не знает. Мужики рассказывают, что вдруг приехали к ним землемеры, обмерили их землю и объявив, что она уже более не принадлежит им. Впрочем, всей деревне оставили $\frac{1}{2}$ десятины из отнятой земли, в том месте, где всегда стояла и теперь стоит их мельница „Бальмиха“. В других же деревнях, напр. в соседней деревне „Стоялово“, в то время, когда у них начали отбирать „мысы“, также как и в деревне Софоновской, (мысы деревень Софоновской и Стояловской находились рядом по берегам одной и той же реки Сиянги), то крестьяне деревни „Стоялово“ срывали мерные цепи, выкидывали забитые в их землю колья,—и у них сенокосы, рядом с отобранными у Софоновцев, остались. Ими они пользуются до сих пор, хотя за сопротивление, как про это говорят старики, сидели в тюрьме.

Это обстоятельство очень сильно поражает крестьян дер. Софоновской. Они видят, что стояловцы косят свои мысы до сих пор, а они принуждены были отдать свои под церковь. Все это было уже давно. Но каждый год, видя, как настоятелем Горской церкви продаются „их мысы“ по рублю и дороже за стог богатым крестьянам (даже той же деревни), они вспоминают свою былую собственность и обидой щемятся их сердца. Вынужденные чистить кой-какие пожни в лесном наделе (верст за 10—12 от деревни) и, таким образом, истреблять лес, они вспоминают, почему же им дали $\frac{1}{2}$ десятины „чужой“ земли, а не приказали срыть мельницу „Бальмиху“. Возникает у них сомнение в законности совершенного над ним поступка. Тогда они слова заговаривают об отнятии собственности, собираются жаловаться, писать губернатору прошение... Но не зная, как за все взяться, поговорив—замолкают... Настает потом сенокос...

Уходит крестьянин со всей семьей в лес на целые недели. Работает он там в своих „чищах“ весь жаркий длинный день от восхода до захода солнца. Слышно, как точит он там косу, как взмахивает ею среди прутьев, пней и камней. Работает, обливаясь потом и забывая про отдых в тесных, дымных лесных „избушках“. Население Суши, в большинстве случаев, весьма трудолюбиво...

III.

В последний раз случилось мне побывать в Суши в первой половине июня 1913 года. Время было жаркое и сухое. Отсутствие воды и лиственного леса отнимало у здешней природы ее ласкающую, нежную красоту. Неорошенные поля не радовали взора той свежей, густой зеленью, какая бывает здесь на них лишь только после дождей. Сухая, пыльная земля просила орошения.

В „пареничных“ полях виднелись ряды черных кучек навоза. Мальчик лет 12 железным крюком срывал на землю с телеги навоз и двигал потом вперед свою лошадь. Две бабы разрывали навоз вилами по полосе; там далее из-за поля виднелось облако дыма—это жгли прошлогодние подсеки, чтобы распахивать новину. Народ всюду был за работой, спеша делать то, что делалось из веков и не думая о том, где пользу и где вред несет за собой его работа... Среди сосновой рощи виднелись белеющие сосны. Здесь, в конце мая, с этих сосен дети „сочили“ сок и теперь они должны сохнуть, так как с них кругом ободрана кора.

За лесом опять потянулись „чисты“ свидетели истребленного леса. Издалека было слышно, как стучат топоры и одна за другой падают сосны... Там опять рубили лес...

Чисть, по которой я шел, тянулась версты на две. Солнце пригревало сильно. Массы оводов и мух с жужжаньем носились вокруг и садились на спину, на лицо, на руки... Сильно хотелось пить. Но на безлесной поляне виднелись только камни, да маленькая сухая травка, которая еле покрывала всюду ровную часть „покидыш“. Послышался рожок пастуха и стало слышно протяжное блеяние овец. Подойдя ближе, я увидел мальчика-пастуха, который сидел на камне. Нигде не было тени. Солнце жгло его голову. Множество оводов жужжало вокруг него. Он ловил их рукой и убивал, забавляясь их писком. Маленькие, тощие овцы группами бежали по чисти и, кой-где местами, щипали сухую травку, или как говорят в Суши „глодали камни“.

Жара была сильная. Жалобное блеяние овец тяжело было слышать. Кожа у некоторых из них была прокутана насекомыми. Из